

Научная статья

УДК 911.53:913

DOI: 10.18384/2712-7621-2025-2-114-133

ПРИРОДНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ СРЕДНЕГОРНОЙ ЧЕЧНИ И ИНГУШЕТИИ

© СС ВУ Петров Л. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация
e-mail:leonid_petrov_1997@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5805-8297*

Поступила в редакцию 30.03.2025

После доработки 31.05.2025

Принята к публикации 21.06.2025

Аннотация

Цель. Определить роль природных и социально-исторических детерминант в формировании моделей структуры и функционирования культурных ландшафтов среднегорных районов Чечни и Ингушетии на хронологический период второй половины XIX – первой половины XX вв. на различных пространственных уровнях.

Процедура и методы. Исследование основано на комплексном анализе исторических краеведческих литературных источников, статистических сборников и картографических материалов советского периода, данных полевых экспедиционных описаний ландшафтной структуры и унаследованных элементов периода традиционного хозяйственного освоения культурных ландшафтов. Метод историко-картографической реконструкции, произведённый при помощи средств ГИС-моделирования, позволил выявить пространственные закономерности модели структуры и количественно оценить влияние природных факторов на землепользование традиционных культурных ландшафтов исследуемой территории. Сравнительно-исторический метод применялся для выявления характерных изменений традиционных систем землепользования в период их трансформации.

Результаты. Проведённое исследование позволило комплексно оценить взаимодействие природной среды и антропогенной деятельности на нескольких пространственных уровнях. На уровне ландшафтно-хозяйственных ареалов поселений ключевую роль играют удалённость сельскохозяйственных угодий от поселений и морфометрический фактор (крутизна, плановая и профильная кривизна склонов), которые определяют выбор участков для земледелия и скотоводства. На микрорегиональном уровне, т. е. на уровне территорий сельских обществ Чечни и Ингушетии, значимыми факторами выступают высотная зональность и экспозиция склонов, ответственные за разнообразие типов и подтипов ландшафтной структуры среднегорных районов, которые обуславливают различные типы традиционного землепользования: зерноводство, сенокошение, сезонное отгонно-пастбищное животноводство. Однако на региональном уровне, охватывающем среднегорные районы некогда единой до 1993 г. Чечено-Ингушетии, важную роль играют социально-исторические факторы, которые в силу специфики исследуемой территории вступают в противоречие с природной детерминантой, определяя качественные преобразования в структуре землепользования и смене традиционного режима функционирования культурных ландшафтов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Углублено понимание возможностей адаптации хозяйственной деятельности к условиям ограниченных природных ресурсов горных ландшафтов, что особенно актуально для Северного Кавказа в контексте современного тренда реосвоения заброшенных среднегорных территорий, что позволит разрабатывать стратегии развития сельских территорий и планы по управлению культурными ландшафтами.

Ключевые слова: историческое землепользование, антропогенно-модифицированные ландшафты, ландшафтно-хозяйственные зоны, горная местность, Восточный Кавказ

Благодарности. Статья подготовлена по теме Государственного задания № 1.9 121040100322-8 «Анализ региональных геоэкологических проблем в условиях глобальных изменений окружающей среды».

Для цитирования:

Петров Л. А. Природные и социально-исторические факторы формирования традиционных культурных ландшафтов среднегорной Чечни и Ингушетии // Географическая среда и живые системы. 2025. № 2. С. 114–133. DOI: 10.18384/2712-7621-2025-2-114-133

Original Article

ENVIRONMENTAL AND SOCIO-HISTORICAL FACTORS IN SHAPING THE TRADITIONAL CULTURAL LANDSCAPES OF THE CHECHEN AND INGUSH MID-MOUNTAIN ZONE

© CC BY L. Petrov

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

e-mail:leonid_petrov_1997@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5805-8297

Received 30.03.2025

Revised 31.05.2025

Accepted 21.06.2025

Abstract

Aim. To determine the role of natural and socio-historical determinants in shaping the structure and functioning patterns of cultural landscapes in the mid-mountainous regions of Chechnya and Ingushetia between the mid-19th and mid-20th centuries across different spatial levels.

Methodology. The research is based on a comprehensive analysis of historical regional studies, literary sources, statistical compendia, and cartographic materials from the Soviet period, as well as field expedition descriptions of the landscape structure and inherited elements from the period of traditional economic development of cultural landscapes. The method of historical-cartographic reconstruction, carried out using GIS modeling, allowed for the identification of spatial patterns in the structure model and the quantitative assessment of the influence of natural factors on the land use of traditional cultural landscapes in the study area. The comparative-historical method was applied to identify the characteristic changes in traditional land use systems during their transformation.

Results. The research enabled a comprehensive assessment of the interaction between the natural environment and anthropogenic activity at multiple spatial scales. At the level of landscape-economic settlement areas, the key factors are the distance of agricultural lands from settlements and the morphometric factor (slope steepness, plan and profile curvature), which determine the selection of areas for agriculture and livestock farming. At the micro-regional level, i.e., at the level of the territories of rural communities in Chechnya and Ingushetia, significant factors include altitudinal zonation and slope aspect, which are responsible for the diversity of types and subtypes of landscape structure in the mid-mountain regions. These factors, in turn, determine various types of traditional land use: grain farming, haymaking, and seasonal transhumant pastoralism. However, at the regional level, encompassing the mid-mountain areas of the formerly unified (until 1993) Chechen-Ingush region, socio-historical factors play an important role. Due to the specific characteristics of the study area, these socio-historical factors conflict with natural determinism, leading to qualitative transformations in land use structure and the alteration of the traditional functioning of cultural landscapes.

Research implications. The study holds both theoretical and practical significance, contributing to a more nuanced understanding of the adaptability of economic activities within the context of resource-constrained mountain landscapes. This is particularly pertinent to the North Caucasus, given the contemporary trend of re-utilizing abandoned mid-mountain areas, and thus facilitates the formulation of effective rural development strategies and cultural landscape management plans.

Keywords: historical land use, human-modified landscapes, landscape-economic zones, mountainous terrain, Eastern Caucasus

Acknowledgments. The article was prepared on the topic of State assignment no. 1.9 121040100322-8 «Analysis of regional geoecological problems under global environmental change».

For citation:

Petrov L. A. (2025). Environmental and socio-historical factors in shaping the traditional cultural landscapes of the Chechen and Ingush mid-mountain zone. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2, 114–133. DOI: 10.18384/2712-7621-2025-2-114-133

ВВЕДЕНИЕ

Регион Восточного Кавказа, в состав которого входят республики Чечня и Ингушетия, сталкивается с рядом вызовов. На фоне общей для сельской местности России тенденции к сокращению населения, в этих субъектах наблюдается естественный прирост, что актуализирует вопрос о реосвоении среднегорных сельских районов. Эти территории, исторически освоенные, но обезлюдившие в результате депортации 1944 года, последовавших за ней ограничений на заселение, а также вооружённых конфликтов 1990-х годов, нуждаются в комплексном подходе к их реосвоению и развитию.

В современных условиях, характеризующихся депопуляцией сельских территорий и развитием рекреационного потенциала горных районов, особую значимость приобретает исследование культурных ландшафтов. В контексте данной работы под культурным ландшафтом понимается природно-антропогенный комплекс, естественно сформировавшийся в результате длительного взаимодействия коренного населения с окружающей средой на основе традиционных систем землепользования [31; 39]. С точки зрения геоэкологического подхода традиционные культурные ландшафты среднегорной Чечни и Ингушетии рассматриваются как результат сбалансированного и сознательного взаимодействия человека и природы, направ-

ленного на удовлетворение потребностей общества и поддержание экологического равновесия [14].

Исследования в области культурных ландшафтов применительно к Кавказскому региону и, в частности, к территориям Чечни и Ингушетии, развиваются в нескольких основных направлениях. Во-первых, значительное внимание уделяется анализу традиционных систем землепользования и их влиянию на формирование культурных ландшафтов. К подобным исследованиям следует отнести модель организации традиционного землепользования в Баксанской долине, основанную на выделении четырёх четко разграниченных поясов: приусадебных участков, поливных сенокосов, ближних выгонов и дальних пастбищ [11], и концептуальную схему ретроспективной пространственной организации культурных ландшафтов поселений зоны «дождевой тени» Северо-Юрской депрессии с элементами хозяйственного (земельные угодья различного функционального назначения) и семантического (сакральные рощи, святилища, некрополи) освоения [25].

Во-вторых, ведутся исследования, посвященные особенностям архитектурного наследия и его связи с природными условиями и особенностями социальной организации местного населения. Для территории среднегорной зоны Ингушетии важное значение имеют описания архитектурных комплексов башенных поселений Фалхан

и Пялинг, которые представлены характерными элементами — средневековыми фамильными башенными комплексами, склепами, и более поздними (XIX в.) сельскими мечетями [13; 22]. Башенные комплексы в горах Чечни и Ингушетии также подразделялись по функциональному назначению и характеру владения на жилые, полубоевые, боевые, встроженные в скальные ниши, замки и цитадели [29].

Несмотря на важность взаимосвязи природных и социально-исторических факторов в формировании традиционных культурных ландшафтов, комплексный подход к их анализу на различных пространственных уровнях организации [23] остается недостаточно разработанным. Для среднегорных районов Чечни и Ингушетии период с конца XIX по начало XX в. рассматривается в качестве временного отрезка, характеризующего традиционный культурный ландшафт, что обуславливается рядом факторов. Во-первых, он представляет собой этап относительной стабильности и устойчивости традиционных форм хозяйствования, социальных структур и культурных практик, предшествовавший масштабным трансформациям советской эпохи [1; 26]. Во-вторых, это время завершения военных конфликтов и установления российского контроля, что создало условия для изучения и документирования традиционной культуры региона [2; 19; 20]. В-третьих, этот период имеет важное значение для формирования современной идентичности чеченцев и ингушей, поскольку сохранившиеся элементы традиционной культуры продолжают оказывать влияние на современную жизнь региона [17].

В этой связи целью настоящего исследования является установление взаимосвязи между комплексом природных и социально-исторических условий и особенностями организации и функционирования традиционных культурных ландшафтов, характерных для среднегорных территорий Чечни и Ингушетии в период с середины XIX до середины XX в., на различных пространственных уровнях их организации. Для достижения данной цели необходимо определить исторические предпосылки формирования тради-

ционных культурных ландшафтов среднегорной Чечни и Ингушетии, определить влияние природных факторов на их структуру и функционирование и рассмотреть роль социально-исторических процессов в их трансформации.

Среднегорные районы Чечни и Ингушетии, расположенные в пределах северного макросклона Большого Кавказа, значительной своей частью располагаются в пределах морфоструктуры Северо-Юрской структурно-эрозионной депрессии, сложенной верхнеюрскими обломочными осадочными породами. Восточная часть исследуемой территории приурочена к морфоструктуре Макажойской котловины, которая относится к сложенному верхнемеловыми органогенными осадочными породами плато Известнякового Дагестана. Верховья рек Ассы, Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна (в районе так называемой Кербталской долины) в геолого-геоморфологическом отношении относятся к северному склону Бокового хребта, в строении которого участвуют обломочные породы нижней юры [15].

Наиболее существенным критерием дифференциации среднегорных районов Чечни и Ингушетии от низкогорных является структура высотной поясности. Если в низкогорье практически повсеместно преобладает пояс широколиственных лесов, то в среднегорье высотная поясность приобретает более сложный характер: наряду с доминирующим поясом субальпийских лугов, здесь широко представлены горные степи, приуроченные к склонам южной экспозиции и межгорным котловинам, и сосново-мелколиственные леса, тяготеющие к склонам северной экспозиции. Важную роль в формировании традиционных культурных ландшафтов исследуемой территории вносит фактор хозяйственного освоения, благодаря чему здесь также встречаются типы антропогенномодифицированных ландшафтов (горно-лесолуговостепных и горно-лесолуговых), возникновение которых обусловлено сельскохозяйственной деятельностью местных сообществ, связанной как с интенсивным земледелием на искусственно террасированных склонах, так и с экстенсивным животноводством [24].

В административно-территориальном отношении объект исследования приурочен к Джейрахскому району Ингушетии, Итум-Калинскому, Шатойскому и Шаройскому районам Чечни, а также к расформированным в 1944 г. Галанчожскому и Чеберловскому районам Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики (ЧИАССР; рис. 1). При этом исследуемая территория входит в охранные зоны объектов культуры федерального значения — Джейрахско-Ассинского и Аргунского музеев-заповедников, границы которых фактически идентичны соответственно горной части Назрановского округа и Аргунского округа, которые входили в состав Нагорной полосы Терской губернии до Революции 1917 г.

Для понимания специфики традиционного хозяйственного освоения рассматриваемой территории в зависимости от природообусловленных и социально-исторических факторов исследование проводилось в несколько этапов. Первым этапом был историко-географический и контент-анализ краеведческих исторических ис-

точников, описанных в [32]. Особое внимание уделялось сведениям о структуре землепользования, инфраструктуре, населении, типах расселения, путях сообщения, а также особо ценных природных и культурных объектах.

На втором этапе был изучен сборник Трудов Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской губернии [34], ставший наиболее комплексным ретроспективным статистическим источником. Данные этого сборника позволили установить на уровне сельских общин критические параметры функционирования культурных ландшафтов, такие как структура сельскохозяйственных угодий, обеспеченность населения земельными и продовольственными ресурсами, продуктивность обрабатываемых угодий (пашен и сенокосов). Для более позднего периода (после первой Всесоюзной переписи населения СССР 1926 г.) были проанализированы историко-статистические описания, содержащие пространственно локализованные сведения об особенно-

Рис. 1 / Fig. 1. Положение объекта исследования (розовый контур) на схеме современного административно-территориального деления. Белым пунктиром показаны расформированные в 1944 г. районы ЧИАССР. / Location of the study area (pink outline) on a map of the modern administrative-territorial division. The white dashed line indicates the districts of the Chechen-Ingush ASSR that were abolished in 1944

Источник: составлено по данным Open Street Map и карте Чеченской автономной области (Атлас Союза ССР, М., 1928)

стях землепользования и народного хозяйства горной Ингушетии [28; 35].

Третьим этапом являлись полевые исследования (рис. 2), целью которых было получение данных о ландшафтной структуре и унаследованных элементах традиционного землепользования. В рамках полевых исследований фиксировались искусственные террасы на склонах, межевые элементы в виде каменных набросов, руины жилых и хозяйственных построек, мусульманские кладбища и языческие склепы, оборонительные сооружения, каменные стелы, священные

Четвёртым этапом стала историко-картографическая реконструкция, целью которой являлось воссоздание целостной картины природно-антропогенных геосистем, выявление их пространственной структуры и особенностей функционирования в период традиционного землепользования на рубеже XIX и XX вв. [5; 6]. Для этого использовались исторические картографические материалы: карта Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) 1941 г. (масштаб 1:200 000) и карты Генерального штаба, изданные в 1989 г. (масштабы 1:100 000; 1:50 000 для Галанчож-

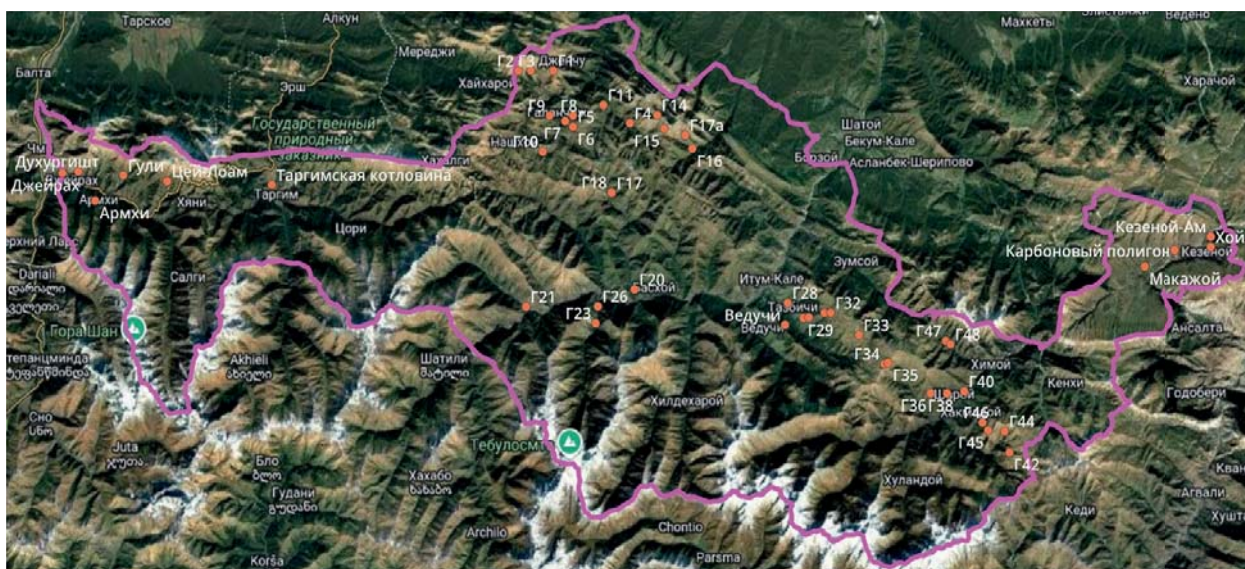

Рис. 2/ Fig. 2. Карта фактического материала. Точки с литерой «Г» были описаны в ходе VI Северо-Кавказской комплексной экспедиции / Map showing the distribution of field data. Points designated with the letter «Г» represent sites described during the Sixth North Caucasus Integrated Expedition

Источник: [24]

рощи и водоёмы. Также проводилось детальное описание абиотических и биотических компонентов ландшафта, включая рельеф (морфометрические характеристики, экспозиция склонов, формы рельефа, проявления экзогенных процессов), почвенный покров (определение типа почв, мощности гумусового горизонта, гранулометрического состава, наличия погребённых почв) и растительные сообщества (определение видового состава, структуры растительности, типов растительных ассоциаций, степени пастбищной дигрессии и антропогенной нарушенности).

ского района), содержащие сведения о местоположении поселений и дорожной сети первой половины XX в.

На заключительном этапе полученные данные, включая результаты историко-картографической реконструкции и полевых исследований, верифицировались с использованием электронных навигационных ресурсов, таких как «Bing Maps» и Google Earth Pro, а также данными, полученными из краудсорсинговых платформ («Народная Яндекс.Карта» и «Открытый Кавказ»), для уточнения координат урочищ (территорий, ранее занятых поселениями), оборонительных башен и мест захоронений.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ СРЕДНЕГОРНОЙ ЧЕЧНИ И ИНГУШЕТИИ

Освоение ландшафтов Северного Кавказа имеет длительную историю, начиная от ашельской культуры палеолита (1,7 млн – 180 тыс. лет назад) [9], однако интенсивное освоение непосредственно среднегорных районов в рамках аграрного производящего хозяйства происходило в период Средневекового климатического оптимума (X–XIII вв.) [37]. Для исследуемой территории наиболее характерным примером является предание об основании села Итум-Кали в 1131 г. в центре одноименной межгорной семиаридной котловины, которая на момент первоначального освоения была покрыта сомкнутым лесным покровом [27]. Именно в средневековый период, на этапе биосферного культурогенеза, согласно В. А. Шальневу [37, с. 94], когда ведущая роль в формировании практик традиционного землепользования отводилась природным факторам, в среднегорных районах Чечни и Ингушетии происходило становление устойчивых взаимосвязей между населением, природной средой и хозяйственной деятельностью.

Архитектурная организация традиционных поселений была подчинена задаче максимальной защиты от внешних угроз, что достигалось как за счёт выбора местоположения, так и благодаря строительству оборонительных сооружений. Ключевым принципом являлось обеспечение труднодоступности для потенциального противника и поддержание визуального контакта с другими поселениями в рамках единой сигнальной системы. В этой связи селения часто располагались в местах, труднодоступных для нападения: на вершинных поверхностях горных хребтов у входа в долины водотоков второго-третьего порядков, крутых склонах ущелий, скалистых выступах, вблизи труднопроходимых участков (осыпей, лесных массивов). При отсутствии естественных преград возводились искусственные укрепления: оборонительные стены, земляные валы и рвы [7]. Внутренняя планировка горных

поселений отличалась компактностью и террасообразным расположением жилых построек, что обуславливало отсутствие междворовых пространств [21]. Эта особенность планировки сохранялась вплоть до конца XIX в., являясь характерной чертой застройки региона.

Адаптация к условиям горного рельефа была необходима также для сельскохозяйственных практик местных сообществ. Земледелие в горной части Восточного и Центрального Кавказа было представлено подсечной системой [4], что выражается в наличии характерных для среднегорных районов Чечни и Ингушетии антропогенно модифицированных горно-лесостепных типов ландшафтов, приуроченных к обезлесенным и впоследствии искусственно террасированным участкам склонов [16]. Возведение напашных террас с межевыми откосами, обеспечивающих выложенные участки для посевов, позволяло эффективно использовать участки склонов, предотвращать эрозию почв и накапливать влагу [18].

Средневековый период в среднегорье Чечни и Ингушетии ознаменовался формированием уникальной системы землепользования, в которой отгонное животноводство, основанное на сезонных перегонах скота, играло главенствующую роль. Данная практика, обусловленная стремлением к оптимальному использованию ограниченных ресурсов горных лугов, привела к формированию характерных форм поселений. Сезонные миграции скотоводов между летними кутанами (стоянкой пастухов) в высокогорье и зимними кошарами (овчарнями), расположенными на малоснежных местоположениях более низких гипсометрических уровней (вплоть до Терско-Кумской низменности), определяли пространственную структуру культурного ландшафта на региональном уровне и уклад жизни населения [8].

После упадка Золотой Орды (XV–XVI вв.) и снижения внешнего давления в горных районах Чечни и Ингушетии возникли самостоятельные горские общества, известные как «вольные» [4]. Эти общества опирались на традиционную родовую структуру, центральным элементом которой был тейп, обеспечивавший внутрен-

ную консолидацию и самоуправление. В условиях отсутствия централизованной власти каждая община формировала свой автономный ландшафтно-хозяйственный ареал, взаимодействуя с 3 основными типами рельефа: расширениями речных долин (котловинами), склонами и нагорными плато. В то же время днища ущелий и поймы, сложенные преимущественно аллювиальными отложениями, были мало пригодны для земледелия в силу высокой подверженности паводкам, что сильно влияло на пространственное расположение и конфигурацию земельных наделов и селитебных комплексов.

Вхождение региона в состав Российской империи в XIX в., сопровождавшееся военными действиями, обусловило трансформацию культурных ландшафтов, в большей степени затронувшую предгорные и низкогорные районы, в то время как в среднегорье изменения были менее выраженными. Военные кампании, в особенности, Кавказская война (1817–1864 гг.), привели к трансформации облика селитебных комплексов, выразившейся, с одной стороны, в разрушении боевых башен, служивших элементами оборонительной системы, а с другой – в частичном исходе горского населения, принявшем форму мухаджирства, которое было описано в путевых очерках А. Е. Россиковой [33] на примере наиболее удаленных районов верхней части бассейна Шаро-Аргуна.

Строительство колёсных дорог во второй половине XIX в., заменивших часть выючных троп, стало существенным фактором, изменившим доступность среднегорных районов и вовлечшим их в экономический оборот с предгорными территориями. Параллельно российские власти возводили фортификационные сооружения, наиболее известное из которых на территории объекта исследования – укрепление Евдокимовское, расположенное напротив крупнейшего в регионе села Итум-Кали. Несмотря на улучшение досягаемости среднегорных районов во второй половине XIX в., этот фактор оказал опосредованное воздействие на систему расселения, не вызвав существенного роста центростремительных миграций горского населения в предгорные районы. Тради-

ционные формы землепользования, такие как отгонное скотоводство и зерноводство, сохранялись, демонстрируя инерцию и устойчивость к внешним воздействиям.

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ СРЕДНЕГОРНОЙ ЧЕЧНИ И ИНГУШЕТИИ

Для понимания закономерностей формирования культурных ландшафтов необходимо учитывать иерархию пространственных уровней и специфику действующих на каждом из них факторов. Моделям структуры и функционирования среднегорных культурных ландшафтов первой половины XX в. присуща иерархическая зависимость от факторов, специфичных для поселенного, местного сельского общинного (бывших старшинств Нагорной полосы Терской губернии) и регионального уровней.

На уровне поселений и их ландшафтно-хозяйственных ареалов главными факторами дифференциации в структуре использования земель были крутизна и кривизна склона, а также расположение по отношению к селитебному комплексу. В совокупности эти факторы определяли пространственное распределение основных природно-хозяйственных элементов культурных ландшафтов среднегорных районов Чечни и Ингушетии: пашен, сенокосов, выгонов и пастбищ (табл. 1).

Пашни располагались на диапазоне абсолютных высот селитебных комплексов, к которым относились, вариабельность относительной высоты простираясь земельных наделов колебалась в диапазоне от 50 м вверх до 100 м вниз относительно поселения [35], при этом им отводились самые благоприятные с точки зрения экзогенных рисков местоположения [21]. В основном пояс пахотных угодий примыкал к поселению, однако в исключительных случаях обрабатываемые земли могли располагаться на удалении до 1,5 км от хозяйствующего субъекта, как в случае селения Фуртоуг, расположенного на южном и крутом (около 20°) склоне до-

Таблица 1 / Table 1

Распределение сельскохозяйственных угодий среднегорных культурных ландшафтов Чечни и Ингушетии в зависимости от ключевых морфометрических и позиционных факторов / The spatial pattern of agricultural land use in the mid-mountain cultural landscapes of Chechnya and Ingushetia, determined by key morphometric and positional factors

Тип угодья	Влияние фактора крутизны и кривизны склонов	Влияние позиционного фактора по отношению к поселению (удаленность и диапазон относительных высот)
Пашни	Покатые склоны либо террасированные склоны со средней крутизной поперечного профиля 12°, максимальной — 20°. В зависимости от положения на склоне кривизна варьировалась от вогнутой концентрирующей в районе тылового шва и выпуклой рассеивающей в районе бровки.	Вблизи селитебного комплекса, в исключительных случаях на удалении до 1,5 км, на диапазоне относительных высот до 50 м вверх и до 100 м вниз относительно поселения
Сенокосы	Вогнутые концентрирующие склоны со средней крутизной 19°, предел сенокосения — 30°	До 5 км от селитьбы на диапазоне относительных высот до 350 м вверх и до 150 м вниз относительно селитебного комплекса
Выгоны	Вогнутые рассеивающие либо склоны с линейной кривизной и с крутизной более 15°	До 3 км от селитьбы на диапазоне относительных высот до 350 м вверх и до 150 м вниз относительно селитебного комплекса
Пастбища	Склоны различной кривизны с крутизной 10–15° для пояса молочного животноводства, до 25–30° для поясов гулевого и мелкого рогатого скота	На верхних относительно поселения гипсометрических уровнях до нижней границы нивально-гляциального пояса: весенне-осенние пастбища (пояс дойного крупного рогатого скота) на удалении 3–5 км от селитьбы, летние овечьи пастбища — до 50 км

Источник: [35]

лины Армхи, ландшафтная структура которого представлена полынно-злаковыми степями на каштановых карбонатных почвах, в то время как пашни жителей Фуртоуга располагались на высоких террасах древней речной долины с ковыльно-бородачевыми степями на среднemocных карбонатных черноземах.

Сенокосы, в отличие от пашен, были приурочены к более высоким гипсометрическим уровням относительно селитебных комплексов: относительное превышение сенокосных угодий над поселениями достигало 350 м, предельная крутизна склонов достигала 30°. Склоны, на которых располагались участки для сенокосения, характеризовались преимущественно вогнутой профильной кривизной и концентрирующей плановой кривизной, что обеспечивало относительно высо-

кую увлажненность местоположений за счёт аккумуляции поверхностного стока. Наиболее ценными в силу высокой продуктивности являлись опушечные и искусственно орошаемые покосные угодья (рис. 3).

Выгоны, представляющие собой участки для выпаса скота в течение светового дня с обязательным возвращением поголовья в стойла на ночь, располагались рядом с селитебными комплексами на неудобьях с крутизной склонов, превышающей 15°. Выбор местоположения для ближних выпасов определялся близостью к поселению и водопоям. В качестве выгонов использовались каменистые осыпи и участки преимущественно вогнутых рассеивающих склонов с разреженной растительностью, непригодные для земледелия и сенокосения.

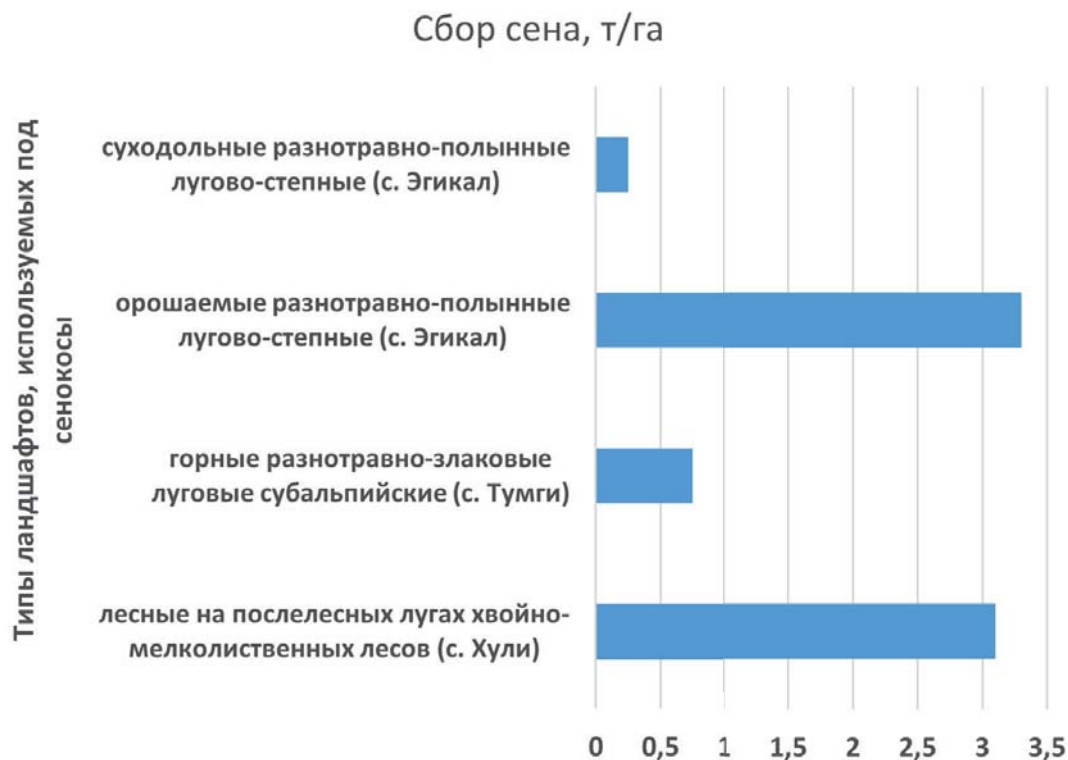

Рис. 3 / Fig. 3. Показатели сбора сена с сенокосов, приуроченных к различным типам ландшафтов среднегорных районов Ингушетии / Hay yield rates from hay meadows across diverse landscape types within the mid-mountain areas of Ingushetia

Источник: составлено по [35, р. 37]

Наиболее отдалённым от поселений типом угодий, которые занимали верхние гипсометрические уровни до границы с нивально-гляциальным поясом, являлись летние пастбища, дифференцированные в соответствии с ландшафтно-хозяйственными особенностями на 3 зоны [8]. Первая зона, предназначенная для выпаса дойного скота, а также весеннего и осеннего выпаса мелкого рогатого скота по отаве, занимала склоны умеренной крутизны (10–15°) на расстоянии до 3–5 км от поселения. Ключевым критерием её выделения являлось количество производимой молочной продукции в течение летних месяцев, которая, согласно историческим статистическим источникам, должна была достигать не менее 1 пуда топлёного масла и 3 пудов сыра с 1 головы дойной коровы [35, с. 114–116].

Вторая зона, отводимая для выпаса рабочего и непроизводительного (гулевого) скота, занимала более крутые склоны (до 25–30°) и могла располагаться на более су-

щественном расстоянии от поселения (до 15 км). Третья зона, предел доступности которой определялся дистанцией 50 км от селения, представлена альпийскими и субальпийскими лугами, на которых производился летний выпас мелкого рогатого скота в рамках отгонного животноводства, требующего организации временных стоянок и кошей.

На микрорегиональном пространственном уровне в формировании культурных ландшафтов определяющую роль играют факторы высотной поясности и экспозиции склонов. Данные факторы детерминируют пространственное распределение типов и подтипов ландшафтов, что, в свою очередь, обуславливает приуроченность определенных видов землепользования к конкретным ландшафтно-экологическим условиям. Сопоставление результатов полевых исследований с данными визуального дешифрирования космических снимков электронных навигационных ресурсов и краеведческих текстовых описаний по-

зволило установить корреляцию между четырьмя основными видами землепользования и их приуроченностью к типам и подтипам ландшафтной структуры исследуемой территории (рис. 4).

Пашни занимают наибольшую долю (50%) в области распространения ландшафтов лесолуговостепного типа, которые представляют собой антропогенные модификации ландшафтов, возникшие в результате преобразования почвенно-растительного покрова из-за долговременной хозяйственной деятельности, связанной с земледелием и сенокошением. Пахотные угодья также характерны для горно-степных ландшафтов, но не являются ведущим типом землепользования из-за худших условий влагообеспеченности.

Сенокосы занимают лидирующее положение в структуре землепользования ландшафтов лугостепного подтипа (85%), которые представлены преимущественно разнотравно-злаковыми степями на карбонатных чернозёмах. Также сенокосы были широко распространены в области

распространения ландшафтов горно-лесолугового, горно-лесолуговостепного типа и остепненного субальпийского подтипа.

Зимние пастбища, которые эквиваленты по функциональному назначению выгонам в летний период времени, присутствуют только в горно-степных кустарниковых (70%) и, в меньшей степени, горно-лесолуговостепных ландшафтах (менее 15%). Это связано с ограниченностью пригодных для зимнего выпаса участков, фактически локализованных в районах семиаридных межгорных котловин на склонах южных экспозиционных румбов с отсутствием постоянного снежного покрова, и необходимостью использования стойлового содержания скота в зимний период.

Летние пастбища являются преобладающим и фактически единственным типом землепользования для горно-луговых типов ландшафтов ввиду короткого вегетационного периода этих местоположений (до 4 месяцев), а также маломощных скелетных почв, непригодных для практик интенсивного землепользования.

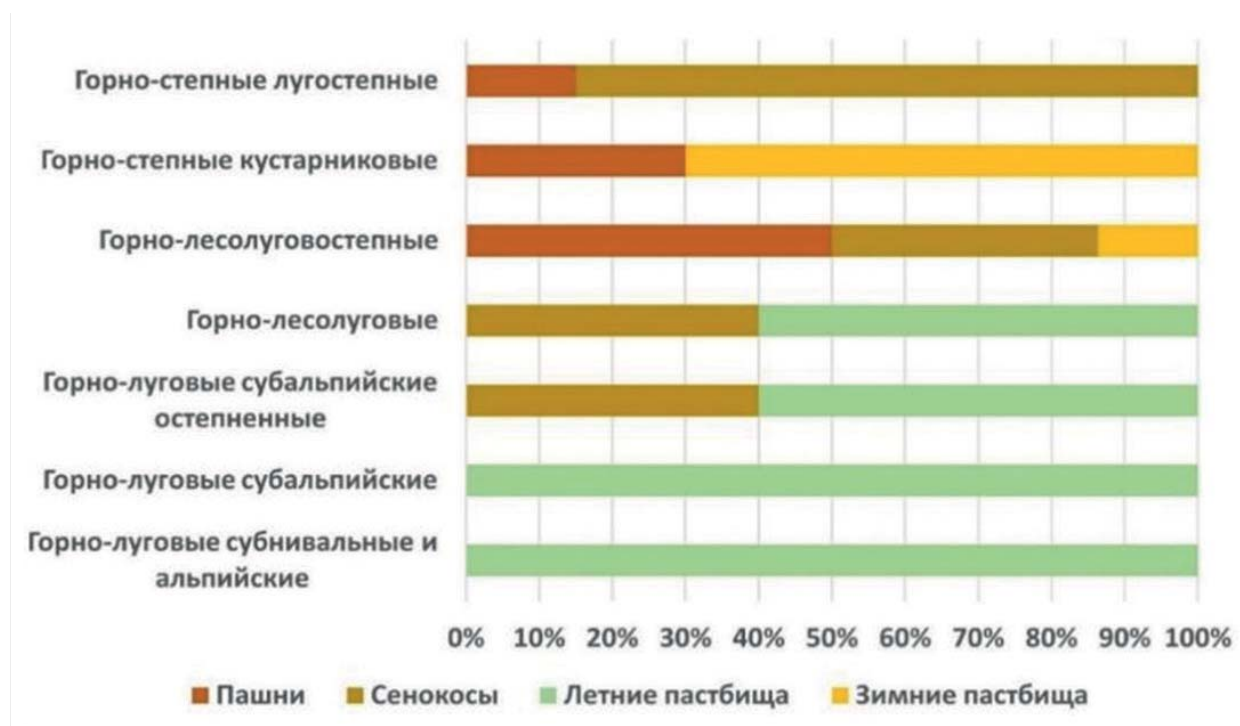

Рис. 4 / Fig. 4. Структура типов использования земель в начале XX в. по типам и подтипам природно-антропогенных ландшафтов среднегорных районов Чечни и Ингушетии / Land use type composition in the early 20th century, classified according to natural-anthropogenic landscape types and subtypes within the mid-mountain areas of Chechnya and Ingushetia

Источник: [24; 34]

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Политико-стратегические интересы, не согласующиеся с природными предпосылками, играют важную роль в формировании культурных ландшафтов на региональном уровне, приводя к значительным изменениям их сложившейся пространственной структуры и режима функционирования. В то время как культурные ландшафты Чечни и Ингушетии демонстрировали устойчивость к внешним воздействиям, процессы интеграции могли приводить к определённым изменениям в традиционных формах хозяйствования и социальных отношениях. Стремление центральной власти к интеграции региона в общероссийское пространство осуществлялось зачастую без учёта местных особенностей и потребностей населения, что привело к различной степени трансформации материальных и нематериальных аспектов культурных ландшафтов [36; 38].

Дореволюционный период ознаменовался попыткой проведения Столыпинской аграрной реформы, которая, будучи направленной на укрепление социальной стабильности и создание зажиточного крестьянства, практически не получила развития в среднегорных районах Терской губернии. Несмотря на формальное включение региона в сферу реформы, ограниченность пригодных для обработки земельных угодий, сопротивление традиционных социальных институтов общинного землепользования, таких как сельские общества, а также нежелание административных органов вовлекать в хозяйственный оборот казенные земли, привели к тому, что реформа не оказала существенного влияния на структуру землепользования [30].

Волна переселения горцев на новые земли на «плоскости» была незначительной. В среднегорных районах попытки выделения земельных участков для хуторского хозяйства практически не реализовались, поскольку потенциал расширения зоны освоения в среднегорье мог быть достигнут исключительно за счёт лесопокрытых площадей, которые являлись

собственностью государства, что фактически ограничивало формирование класса крестьян-собственников. Таким образом, стремление центральной власти решить аграрный вопрос не привело к каким-либо существенным изменениям в традиционном культурном ландшафте региона, что позволило, с одной стороны, сохранить традиционные формы землепользования и систему расселения, а с другой стороны, увеличить социальную сегрегацию и маргинализацию горных районов.

1917 г. — точка отсчёта качественно нового этапа хозяйственного освоения среднегорных районов Чечни и Ингушетии. Он ознаменовался Гражданской войной и последующим становлением социалистического этапа развития. Его характерной особенностью в контексте объекта исследования является региональная бифуркация путей хозяйственного освоения: среднегорные районы Ингушетии претерпели масштабный миграционный отток населения, принципиально изменивший вектор развития, в то время как в Чечне сохранилась преемственность с предшествующими тенденциями. Во многом такая дифференциация объясняется появлением больших земельных наделов в предгорьях на месте освободившихся бывших казачьих станиц Сунженского казачьего округа Горской АССР, охватывающего значительную часть Алханчуртской долины в современных границах Республики Ингушетии.

На представленных картах плотности населения среднегорной части Чечни и Ингушетии в первой четверти XX в. (рис. 5), рассчитанных для микрорегионального пространственного уровня, отчётливо иллюстрируется сильная волна снижения численности населения горной части Ингушетии после 1907 г. (в каждом сельском обществе водосборных бассейнов Армхи и Ассы численность населения сократилась более чем на 80% по отношению к 1907 г., а обрабатываемые угодья, равно как и селитебные комплексы таких поселений как Дошалкхе, Кязи, Някасте, Нилха и Аршаук оказались полностью заброшенными). В то же время в среднегорных районах Чечни демографическая ситуация была значительно более стабильной и даже демонстрировала тенденцию к

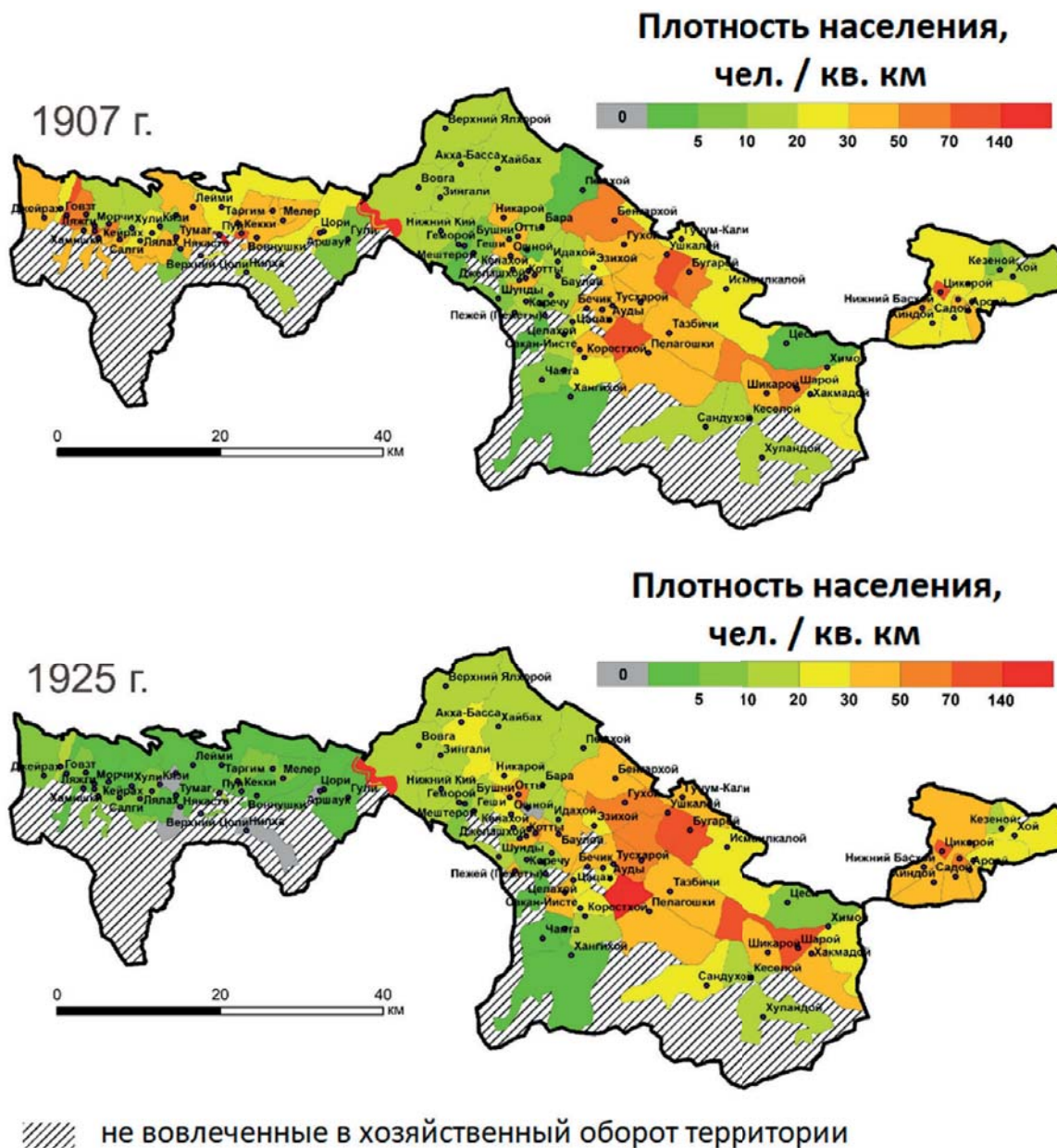

Рис. 5 / Fig. 5. Плотность населения (чел./км² сельхозугодий) в сельских обществах среднегорной Чечни и Ингушетии. Красная линия: граница Чечни и Ингушетии. / Population density (per km² of agricultural land) in the mid-mountain rural societies of Chechnya and Ingushetia. Red line: Chechnya/Ingushetia border

Источник: [34], Список населенных мест Северо-Кавказского края 1925 г.

росту в отдельных сельских обществах, в особенности в восточной части исследуемой территории (районы Макажойской котловины и верховьев бассейна Шаро-Аргуна). Многие же сельские общества в западной части среднегорной Чечни сохранили прежний уровень плотности населения или показали незначительное его увеличение (до 5 чел./км²). Отмечается, что тенденция к сокращению численно-

сти населения горных районов Ингушетии проявилась уже в 1914 г. [28, с. 78], однако наиболее выраженный характер она приобрела в период советизации, в 1920-е гг. Предположительно, это обусловлено различиями в восприятии большевистской власти: большей лояльностью ингушей и более активным сопротивлением в приграничных с Дагестаном районах Чечни [3].

Массовая эмиграция горцев стала катализатором глубоких изменений в землепользовании среднегорной Ингушетии, последствия которых затронули различные аспекты аграрного сектора. Четырёхкратное сокращение поголовья крупного рогатого скота [35, с. 133] в домохозяйствах оказало непосредственное влияние на использование сельскохозяйственных угодий: ранее эксплуатируемые сенокосы, расположенные в труднодоступных местоположениях, перестали обрабатываться, так как спрос на корма резко упал. Особенно это коснулось остепненных субальпийских лугов, где ручной покос был трудоёмким. Переход к новым формам выпаса, с массовыми перегонами овец из предгорий на летние пастбища, практически компенсировал сокращение поголовья мелкого рогатого скота на пастбищах овечьей ландшафтно-хозяйственной зоны. В результате, количество выпасаемого мелкого рогатого скота приблизилось к показателям 1907 г. [35, с. 166], что усугубило проблему разрушения горных троп и увеличило нагрузку на транзитные экосистемы, инициируя очаги пастбищной дигрессии на исследуемой территории.

Снижение численности населения среднегорной Ингушетии вкупе с возникшими экономическими отношениями с предгорными районами отразилось и на структуре посевов, о чём свидетельствует трансформация кукурузного зернового пояса в долине Армхи (селения Озьми и Бейни) в картофельно-овсяный, ориентированный на рынок Владикавказа и Пригородного района, с которыми была налажена связь колёсными дорогами (рис. 6). А гипсометрически расположенные выше земли водосборного бассейна Ассы (селения Эгикал, Тумги, Цори, Энт) традиционно относились к пшенично-ячменному поясу зерновых культур (более 70% от общей структуры посевов пахотных угодий описанных поселений) с включением посевов овса, однако в 1920-е гг. произошла диверсификация посевов с преобладанием культуры яровой пшеницы, во многом благодаря резкому сокращению посевов овса. Также район бассейна Ассы характеризуется появлением кукурузы в структуре посевов: особенно сильный рост посевных площадей отмечался в районе Эгикальской разнотравно-полюнной луговостепной котловины (30%).

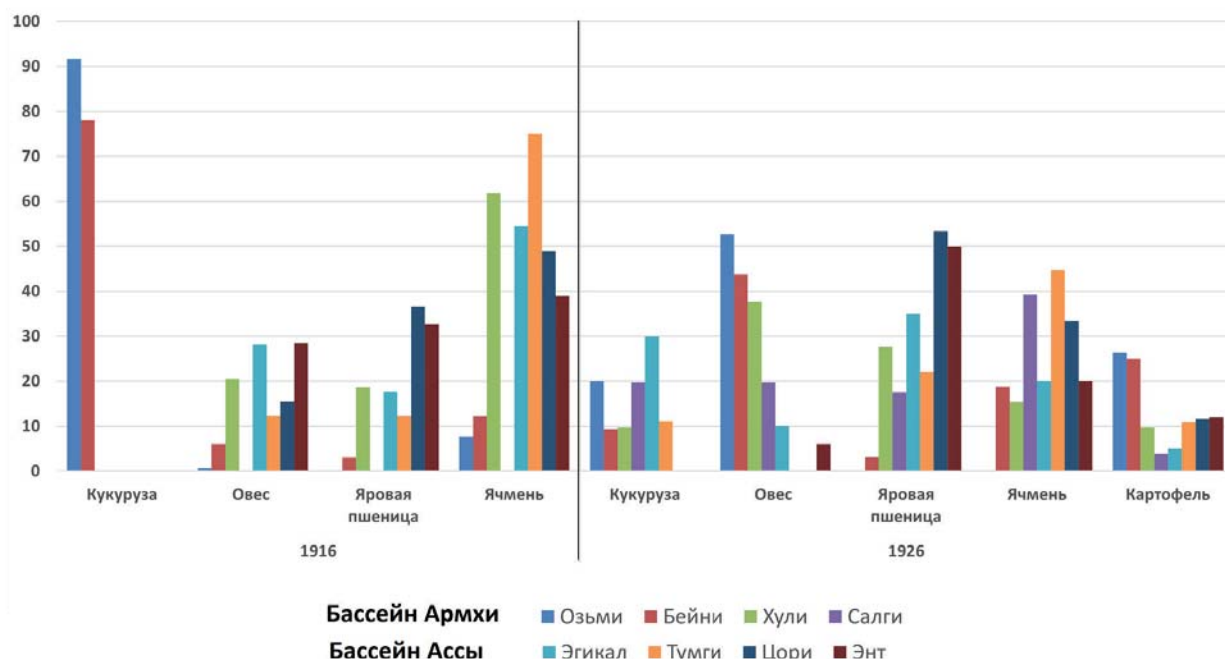

Рис. 6 / Fig. 6. Структура посевных площадей некоторых поселений среднегорной Ингушетии в 1916 и 1926 гг. / Visualization of arable land area composition for selected settlements of mid-mountain Ingushetia in 1916 and 1926

Источник: составлено по [35, pp. 187–188]

На фоне произошедших изменений в структуре землепользования к началу 1930-х гг. появились принципиально новые формы антропогенно модифицированных ландшафтов среднегорной Ингушетии и Чечни. Примерами могут служить рекреационные ландшафты, возникшие в виде первого на исследуемой территории курорта Армхи, а также садово-плантационные комплексы в районе семиаридных котловин зоны дождевой тени Скалистого хребта [10]. Эти новые типы ландшафтов свидетельствовали о переходе к новым формам хозяйствования и организации территории, а также о стремлении к диверсификации экономической деятельности в изменившихся социальных и хозяйственных условиях культурных ландшафтов среднегорной Ингушетии.

Другой исторический момент, завершающий практики традиционного землепользования, соответственно, обрывая развитие традиционных культурных ландшафтов среднегорных районов Чечни и Ингушетии в середине XX в. и переводя их в категорию культурно-исторических, связан с депортацией чеченцев и ингушей 1944 г., приведшей к тотальному запустению практически всей территории объекта исследования, за исключением населённого аварцами бассейна реки Кенхи. Ареалы интенсивного землепользования были ликвидированы наравне с селитебными комплексами, и впоследствии данные территории использовались для выпаса мелкого рогатого скота в летний сезон из Грузинской ССР и Дагестанской АССР [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурные ландшафты традиционного типа в среднегорной части Чечни и Ингушетии окончательно сформировались и достигли своего пика развития в период с конца XIX до второй четверти XX в. Базисом формирования этих ландшафтов выступали традиционные системы землепользования, сложившиеся в Средневековье и сохранявшие определяющее значение для уклада жизни вплоть до начала XX столетия. Данные системы демонстрировали высокую степень адаптации к ло-

кальным природным условиям и являлись важным элементом материального культурного наследия (в частности, объекты селитбы, отнесенные к охраняемым памятникам федерального значения).

Модели структуры, особенности функционирования и развития традиционных культурных ландшафтов в этот период определялись уже не только природообусловленностью хозяйственной деятельности, но и всёвозрастающей ролью социально-исторических факторов, а также всё большей вовлечённостью территории в региональные и глобальные историко-политические процессы. В результате проведённого анализа установлено, что взаимодействие природной среды и хозяйственной деятельности человека в процессе формирования традиционных культурных ландшафтов среднегорной Чечни и Ингушетии характеризуется сложной и многоуровневой организацией, проявляющейся в следующих аспектах:

1) вблизи поселений распределение типов сельскохозяйственных угодий (пашни, сенокосы, выгоны, пастбища) определялось сочетанием дистанции до селитебного комплекса и характеристик склона (крутизна, плановая и профильная кривизна). Пашни располагались ближе к поселениям, на пологих либо на террасированных склонах; сенокосы и выгоны — на средних расстояниях (до 3–5 км), на более крутых и вогнутых концентрирующих склонах; пастбища — вдали от поселений (до 50 км), на самых верхних гипсометрических уровнях. Это отражало стремление к оптимальному использованию земель с учётом их доступности ядрам ландшафтно-хозяйственных ареалов и трудозатрат на обработку земельных угодий;

2) на микрорегиональном уровне формирование культурных ландшафтов определяется взаимодействием высотной поясности и экспозиции склонов, что обуславливает пространственное распределение различных типов и подтипов ландшафтов, а также приуроченность к ним определённых видов землепользования. Анализ структуры землепользования в различных типах ландшафтов выявил чёткие закономерности: пашни преобладают в лесолуговостепных ландшафтах, сено-

косы — в лугостепных, зимние пастбища (выгоны в летний сезон) — в горно-степных кустарниковых, а летние пастбища — в горно-луговых ландшафтах;

3) в масштабе региона определяющую роль играют социально-исторические факторы, к числу которых относятся механизмы государственного управления. Для традиционных культурных ландшафтов среднегорных районов Ингушетии переломным моментом стал период после 1917 г., в то время как для чеченской части рассматриваемой территории сохранялась преемственность традиционного уклада до начала 1930-х гг. Зачастую на данном пространственном уровне социально-исторические факторы вступали в противоречие с природными ограничениями, что приводило к нарушению традиционных систем землепользования, деградации природных

ресурсов и снижению устойчивости культурных ландшафтов.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении понимания закономерностей адаптации традиционной хозяйственной деятельности к условиям ограниченных природных ресурсов в горных регионах. Полученные результаты могут быть использованы при разработке стратегий устойчивого развития сельских территорий Северного Кавказа, ориентированных на восстановление и эффективное использование природно-ресурсного потенциала горных экосистем. В практическом плане результаты исследования также могут быть положены в основу разработки планов управления культурными ландшафтами, обеспечивающих сбалансированное сочетание экономического развития и сохранения природного и культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акиева П. Х. К характеристике традиционного хозяйственного быта горных и равнинных местностей Ингушетии // Этнокультура освоения гор: Северный Кавказ. Махачкала: АЛЕФ, 2022. С. 61–74.
2. Алиева А. И., Мунаев И. Б. Из истории публикаций и изучения чеченского фольклора и этнографии российскими исследователями XIX — начала XX в. (часть 2) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2021. № 2. С. 101–115. DOI: 10.25744/vestnik.2021.53.2.012.
3. Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. История Чечни в XIX–XX веках. Москва: Пульс, 2005. 996 с.
4. Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. Грозный: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. 423 с.
5. Бешенцев А. Н., Лубсанов А. А. Картографическая реконструкция природопользования на основе ретроспективных топографических карт // Геодезия и картография. 2023. № 3. С. 25–34. DOI: 10.22389/0016-7126-2023-993-3-25-34
6. Богданова М. С. Культурный ландшафт Заонежья: историческая реконструкция и современное состояние // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12-6. С. 971–976.
7. Виноградов В. Б., Чакхкиев Д. Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье // Советская этнография. 1984. № 1. С. 98–110.
8. Гамкрелидзе Б. В. Социально-культурные проблемы скотоводства горцев Центрального Кавказа: дис. ... док. ист. наук. Тбилиси, 1983. 423 с.
9. Годзевич Б. Л. Условия среды обитания *Homo erectus* в Пятигорье // Вестник Ставропольского государственного университета. 2004. № 37. С. 143–151.
10. Головлёв А. А. Ретроспективный анализ состояния отраслей сельского хозяйства в горной зоне Чечни и Ингушетии // Бюллетень Самарская Лука. 2004. № 14. С. 145–157.
11. Гуля А. Н. Современные тенденции в институционализации природопользования // Известия РАН. Серия географическая. 2010. № 6. С. 77–87.
12. Джандаров И. А. Х., Абдурахманов Д. Б. Землепользование Чеченской Республики: состояние, проблемы, перспективы. М.: URSS, 2010. 622 с.
13. Дзарахова З. М. О горном селении Фалхан (полевые этнографические материалы) // Вестник Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. 2016. № 2. С. 22–29.
14. Дирин Д. А. Геоэкологический подход в концепции культурного ландшафта // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 1. № 3. С. 129–133.
15. Доценко В. В. Геоморфология Северо-Юрской депрессии в пределах Чеченской Республики и сопредельных территорий // Грозненский естественнонаучный бюлле-

- тень. 2021. № 1. С. 17–40. DOI: 10.25744/genb.2021.23.1.003
16. Дударов А. М. М. Террасное земледелие у ингушей // Этнокультура освоения гор: Северный Кавказ. Махачкала: АЛЕФ, 2022. С. 75–84.
 17. Евлоева Л. М. Хозяйственный уклад ингушей в XIX — начале XXI в. // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. 2020. № 1. С. 62–69.
 18. Земледельческие террасы с межевыми откосами в горном Дагестане / А. В. Борисов, И. А. Идрисов, Д. С. Коробов и др. // Известия ДГПУ. Естественные и точные науки. 2016. № 4. С. 85–97.
 19. Ибрагимова З. Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860–1900). М.: Пробел-2000, 2006. 241 с.
 20. Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Терский сборник. Владикавказ, 1910. Вып. 7. 223 с.
 21. Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М.: Наука, 1982. 196 с.
 22. Кодзоев Н. Д. Башенное поселение Пялинг (Ингушетия) // Археология и этнология Северного Кавказа. 2016. № 6. С. 86–105.
 23. Колбовский Е. Ю., Петров Л. А. Культурные ландшафты гор как социально-экологические системы (на примере Северного Кавказа) // Проблемы региональной экологии. 2024. № 1. С. 74–80. DOI: 10.24412/1728-323X-2024-1-74-80
 24. Ландшафты Аргунского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника / А. Н. Гуня, М. Н. Петрушина, У. Т. Гайрабеков и др. // Северокавказская комплексная экспедиция: труды. Т. 2. Грозный: АЛЕФ, 2021. С. 43–94.
 25. Липкович А. Д., Липкович Т. А. Традиции природопользования горцев Центрального и Восточного Кавказа: эмпирический опыт и устойчивое развитие региона // Научная мысль Кавказа. 2006. № 2. С. 56–63.
 26. Магомедханов М. М., Садовой А. Н., Магдилов М. М. Традиции как ресурс освоения горных территорий Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 139–153. DOI: 10.32653/СН 201139-153
 27. Марковин В. И. В стране вайнахов. М.: Искусство, 1969. 119 с.
 28. Мартиросиан Г. К. Нагорная Ингушетия: социально-экономический очерк. Владикавказ, 1928. 154 с.
 29. Насуханов Ш. А. Особенности формирования объемно-пространственной композиции жилых башен чеченцев на Северном Кавказе // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 421–426.
 30. Невская Т. А. Проведение столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе, 1906 — июнь 1917 гг.: дис. ... док. ист. наук. Ставрополь, 1998. 461 с.
 31. Первые антропогенные ландшафты России — важнейшие «биографические» свидетели ее социо-естественной истории / В. А. Низовцев, В. А. Светлосанов, В. А. Снытко и др. // Журналистика и география: сб. мат-лов / сост. В. В. Тулупов, В. В. Свиридов. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. С. 227–232.
 32. Петров Л. А. Исторические маршруты путешественников XIX–XX вв. как ценный ресурс для развития рекреации в среднегорно-высокогорной зоне Нагорной Чечни // Проблемы и перспективы развития туризма: региональный аспект / отв. ред. М. Р. Нахаев. Грозный, 2021. С. 153–159. DOI: 10.36684/46-2021-1-153-159
 33. Россикова А. Е. Путешествие по центральной части Горной Чечни // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1896. Кн. 18. С. 139–228.
 34. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землеустройства в Нагорной полосе Терской области: с приложением проектов о земельных правах, о направлении поземельных споров и о размежевании земель и землеустройстве жителей Нагорной полосы с пояснительной запиской к указанным проектам. Владикавказ: Электронпечатня П. К. Григорьева, 1908. 369 с.
 35. Христианович В. П. Горная Ингушетия. К материалам по экономике альпийского ландшафта. Ростов н/Д, 1928. 271 с.
 36. Шавлаева Т. М. Из истории развития культуры хозяйственной деятельности чеченского народа: XIX — начало XX вв.: дис. ... док. ист. наук. М., 2016. 353 с.
 37. Шальнев В. А. Эволюция ландшафтов Северного Кавказа: дис. ... док. геогр. наук. Ставрополь, 2007. 329 с.
 38. Эльбуздукаева Т. У. Чечня и Ингушетия в 20–30-е годы XX века: опыт модернизации. М.: Парнас, 2011. 463 с.
 39. Ishizawa M. About the conservation of cultural landscapes: sustainability or unviability? A comparative study on the emergent landscape management in heritage sites in mountain regions: the Andes and the Pyrenees: Thesis for Doctoral. BTU Cottbus-Senftenberg, 2014. 335 p.

REFERENCES

1. Akieva P. Kh. [On the Characteristics of the Traditional Economic Life of Mountainous and Plain Areas of Ingushetia]. In: *Etnokultura osvoeniya gor: Severnyy Kavkaz* [Ethnoculture of Mountain Development: The North Caucasus]. Makhachkala, ALEF Publ., 2022, pp. 61–74.
2. Alieva A. I., Munaev I. B. [From the History of Publications and Study of Chechen Folklore and Ethnography by Russian Researchers XIX – Beginning XX Centuries (Part 2)]. In: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic], 2021, no. 2, pp. 101–115. DOI: 10.25744/vestnik.2021.53.2.012.
3. Akhmadov Ya. Z., Khasmagomadov E. Kh. *Istoriya Chechni v XIX–XX vekakh* [History of Chechnya in the 19th–20th centuries]. Moscow, Puls Publ., 2005. 996 p.
4. Akhmadov Ya. Z. *Ocherk istoricheskoy geografii i etnopoliticheskogo razvitiya Chechni v XVI–XVIII vekakh* [Essay on the historical geography and ethnopolitical development of Chechnya in the 16th–18th centuries]. Grozny, 2009. 423 p.
5. Beshentsev A. N., Lubsanov A. A. [Cartographic Reconstruction of Nature Management Based on Retrospective Topographic Maps]. In: *Geodeziya i kartografiya* [Geodesy and Cartography], 2023, no. 3, pp. 25–34. DOI: 10.22389/0016-7126-2023-993-3-25-34
6. Bogdanova M. S. [Cultural Landscape Zaonezhie: Historical Reconstruction and Current State]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2016, no. 12-6, pp. 971–976.
7. Vinogradov V. B., Chakhkiev D. Yu. [Certain traditions of Vainakh military practices during the medieval period]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1984, no. 1, pp. 98–110.
8. Gamkrelidze B. V. *Sotsialno-kulturnyye problemy skotovodstva gortsev Tsentralnogo Kavkaza: dis. ... dok. ist. nauka* [Social and cultural problems of cattle breeding of the highlanders of the Central Caucasus: Dr. Sci. thesis in History sciences]. Tbilisi, 1983. 423 p.
9. Godzevich B. L. [The Conditions of Homo Erectus Environment in the Pyatigorsk Region] In: *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Stavropol State University], 2004, no. 37, pp. 143–151.
10. Golovlyov A. A. [Retrospective analysis of agriculture branches' state in Chechnya and Ingushetiya mountain zone]. In: *Byulleten Samarskaya Luka* [Bulletin Samarskaya Luka], 2004, no. 14, pp. 145–157.
11. Gunya A. N. [Modern Tendencies in Institutionalization of Nature Use of the Caucasian and Central Asian Mountain Regions]. In: *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], 2010, no. 6, pp. 77–87.
12. Dzhandarov I. A. Kh., Abdurakhmanov D. B. *Zemlepolzovanie Chechenskoy Respubliki: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Land use in the Chechen Republic: current situation, challenges, and future prospects]. Moscow, URSS Publ., 2010. 622 p.
13. Dzarahova Z. M. [Field Ethnographic Materials about the Mountain Village Falhan]. In: *Vestnik Ingushskogo NII gumanitarnykh nauk im. Ch. E. Akhrieva* [Bulletin of Ingush research institute of Humanities named after Ch. E. Akhriev], 2016, no. 2, pp. 22–29.
14. Dirin D. A. [Geo-ecological Approach to the Concept of Cultural Landscape]. In: *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2013, no. 1, pp. 129–133.
15. Dotsenko V. V. [Geomorphology of North Yursk Depression within the Chechen Republic and Adjacent Territories] In: *Grozniyskiy yestestvennonauchnyy byulleten* [Grozny Natural Science Bulletin], 2021, vol. 6, no. 1, pp. 17–40. DOI: 10.25744/genb.2021.23.1.003
16. Dudarov A. M. M. [Terraced Agriculture among the Ingush]. In: *Etnokultura osvoeniya gor: Severnyy Kavkaz* [Ethnoculture of Mountain Development: The North Caucasus]. Makhachkala, ALEF Publ., 2022, pp. 75–84.
17. Evloeva L. M. [Economic Organization of the Ingushes in the XIX – the beginning of the XXI Century]. In: *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch. E. Akhrieva* [Bulletin of the Ingush Research Institute of Humanities named after Ch. E. Akhriev], 2020, no. 1, pp. 62–69.
18. Borisov A. V., Idrisov I. A., Korobov D. S., et al. [Farming Terraces with Landmark Slope in Alpine Dagestan]. In: *Izvestiya DGPU. Estestvennyye i tochnyye nauki* [DSPU Journal. Natural and Exact Sciences], 2016, no. 4, pp. 85–97.
19. Ibragimova Z. Kh. *Chechentsy v zerkale tsarskoy statistiki (1860–1900)* [Chechens in the Mirror of Tsarist Statistics (1860–1900)]. Moscow, Probel-2000 Publ., 2006. 241 p.
20. Ivanenkov N. S. *Gornyye chechentsy. Terskiy sbornik. Vyp. 7* [Mountain Chechens. Terek collection. Issue 7]. Vladikavkaz, 1910. 223 p.
21. Kobychiev V. P. *Poseleniya i zhilishche narodov Severnogo Kavkaza v XIX–XX vv.* [Settlements and Dwellings of the Peoples of the North Caucasus in the 19th and 20th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 196 p.

22. Kodzoev N. D. [Tower Settlement Pyaling (Ingushetia)]. In: *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza* [Archaeology and Ethnology of the North Caucasus], 2016, no. 6, pp. 86–105.
23. Kolbovsky E. Yu., Petrov L. A. [Cultural Landscapes of Mountains as Socio-Ecological Systems: a Case Study of the North Caucasus]. In: *Problemy regionalnoy ekologii* [Regional Environmental Issues], 2024, no. 1, pp. 74–80. DOI: 10.24412/1728-323X-2024-1-74-80
24. Gunya A. N., Petrushina M. N., Gairabekov U. T., et al. [Landscapes of the Argun State Historical, Architectural, and Natural Museum-Reserve]. In: *Severokavkazskaya kompleksnaya ekspeditsiya: trudy. T. 2* [North Caucasian Complex Expedition: Works. Vol. 2]. Grozny, ALEF Publ., 2021, pp. 43–94.
25. Lipkovich A. D., Lipkovich T. A. [Traditional Nature Use Practices of the Highlanders of the Central and Eastern Caucasus: Empirical Evidence and Sustainable Regional Development]. In: *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought in the Caucasus], 2006, no. 2, pp. 56–63.
26. Magomedkhanov M. M., Sadovoy A. N., Magdilov M. M. [Traditions as a Resource for the Development of Mountainous Territories of Dagestan]. In: *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus], 2024, vol. 20, no. 1, pp. 139–153. DOI: 10.32653/CH201139-153
27. Markovin V. I. *V strane vaynakhov* [In the Land of the Vainakhs]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 119 p.
28. Martirosian G. K. *Nagornaya Ingushetiya: sotsial'no-ekonomicheskiy ocherk* [Mountainous Ingushetia: A Socioeconomic Study]. Vladikavkaz, 1928. 154 p.
29. Nasukhanov Sh. A. [Features of the Formation of the Volumetric-Spatial Composition of Residential Towers of Chechens in the North Caucasus]. In: *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 2023, n. 10, pp. 421–426.
30. Nevskaya T. A. *Provedenie stolypinskoj agrarnoy reformy na Severnom Kavkaze, 1906 – iyun 1917 gg.: dis. ... dok. ist. nauk* [The Implementation of the Stolypin Land Reform in the North Caucasus, 1906 – June 1917: Dr. Sci. thesis in history sciences]. Stavropol, 1998, 461 p.
31. Nizovtsev V. A., Svetlosanov V. A., Snytko V. A., et al. [The first anthropogenic landscapes of Russia – the most important “biographical” witnesses of its socio-natural history]. In: Tulupov V. V., Sviridov V. V., eds. *Zhurnalistika i geografiya* [Journalism and geography: collection of materials]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2020, pp. 227–232.
32. Petrov L. A. [Historical Routes of Travelers of the 19th and 20th centuries as a Valuable Resource for the Development of Recreation in the Middle and High Mountains of Chechnya]. In: Nakhaev M. R., ed. *Problemy i perspektivy razvitiya turizma: regionalnyy aspekt* [Problems and Prospects of Tourism Development: Regional Aspect]. Grozny, 2021, pp. 153–159. DOI: 10.36684/46-2021-1-153-159
33. Rossikova A. E. [Journey through the central part of Mountainous Chechnya]. In: *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society], 1896, no. 18, pp. 139–228.
34. *Trudy Komissii po issledovaniyu sovremennogo polozheniya zemlepol'zovaniya i zemlevladieniya v Nagornoy polose Terskoy oblasti: s prilozheniem proektov o zemel'nykh pravakh, o napravlenii pozemel'nykh sporov i o razmezhovanii zemel' i zemleustroystve zhiteley Nagornoy polosy s poyasnitel'noy zapiskoy k ukazannym proektam* [Proceedings of the Commission for the Study of the Current Situation of Land Use and Land Ownership in the Mountainous Zone of the Terek Region: with an Appendix of Projects on Land Rights, on the Direction of Land Disputes and on the Demarcation of Land and Land Management of Residents of the Mountainous Zone with an Explanatory Note to the Specified Projects]. Vladikavkaz, 1908. 369 p.
35. Khristianovich V. P. *Gornaya Ingushetiya. K materialam po ekonomike al'piyskogo landshafta* [Mountain Ingushetia. To the materials on the economy of the alpine landscape]. Rostov n/D, 1928. 271 p.
36. Shavlaeva T. M. *Iz istorii razvitiya kul'tury khozyaystvennoy deyatel'nosti chechenskogo naroda: XIX – nachalo XX vv.: diss. ... dok. ist. nauk* [From the History of the Development of the Culture of Economic Activity of the Chechen People: 19th – early 20th centuries: Dr. Sci. thesis in History sciences]. Moscow, 2016. 353 p.
37. Shalnev V. A. *Evolutsiya landshaftov Severnogo Kavkaza: diss. ... dok. geogr. nauk*. [Landscape Evolution in the North Caucasus: Dr. Sci. thesis in Geography sciences]. Stavropol, 2007. 329 p.
38. Elbuzdukaeva T. U. *Chechnya i Ingushetiya v 20–30-e gody XX veka: opyt modernizatsii* [Chechnya and Ingushetia in the 1920–1930s: The Experience of Modernization]. Moscow, Parnas Publ., 2011. 463 p.

39. Ishizawa M. About the conservation of cultural landscapes: sustainability or unviability? A comparative study on the emergent landscape management in heritage sites in mountain regions: the Andes and the Pyrenees: Thesis for Doctoral. BTU Cottbus-Senftenberg, 2014. 335 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петров Леонид Алексеевич — инженер кафедры физической географии мира и геоэкологии географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: leonid_petrov_1997@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid A. Petrov — Engineer, Department of World Physical Geography and Geoecology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: leonid_petrov_1997@mail.ru